

УДК 398.34 (=511.1)
ББК 63.5 (2 Рос. Удм)

САКРАЛЬНЫЕ ЛОКУСЫ СОВРЕМЕННОГО СЕЛЬСКОГО ДОМА У БЕСЕРМЯН

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ПОПОВА

(Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН: Российская Федерация, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4)

***Аннотация.** В статье рассматривается символика и обрядовые функции сакральных локусов современного сельского дома у бесермян: красный угол, стол, матица, печь, порог, дверь. В традиционных представлениях и обрядах дом предстает как центр освоенного пространства. Его мифологическое осмысление происходит в рамках таких категорий традиционной модели мира, как «центр/периферия», «граница», «свое» и «чужое» пространство. В качестве мифологического центра жилища может выступать передний угол, стол, печь, а его границ — матица, окна, порог, дверь, устье (дымоход) печи. В круг важных объектов сакрального пространства современного бесермянского дома по-прежнему входит подполье. Представления о почитаемых локусах остаются актуальными и реализуются в повседневной жизни, этикетных нормах, знахарской практике, календарных, семейных и рекрутских обрядах. Почитаемые локусы сохраняют за собой функции маркировки центра и границ пространства, закрепления связей с родным домом или наоборот — их «разрывания» и проведения границ. Сохранились традиции, связанные с постройкой и переездом в новый дом. Пространство дома и его сакральные локусы в обрядах, гостевых традициях и этикете коррелируют с социальным и гендерным статусами живущих в доме или пришедших в него.*

***Ключевые слова:** дом, сакральное пространство, мифология, бесермяне.*

Отдельные части дома, несмотря на существенные изменения в восприятии жилища, традиционной модели мира, не утратили у бесермян своего сакрального статуса. Они сохраняются даже при изменении традиционной планировки, переносятся в пространство городской квартиры. Дом отождествляется с сакральным центром освоенного, обжитого человеком пространства, наделяется позитивными характеристиками. Актуальные для современной семьи обряды, проводимые в доме, как показали полевые исследования, сохраняют многие традиционные элементы, связанные с почитаемыми локусами.

Символика дома и его отдельных частей рассматривалась при изучении

обрядов, связанных с жилищем, в разных культурных традициях [Агапкина 2011; Байбурин 1983; Владыкина 1992; Лавонен 2000; Мороз 2008; Слудняков 2015; Салмин 2010; Христолюбова 2004; Цивьян 2011]. Многие параллели можно найти и у бесермян.

Дом в традиционной модели мира, обрядах и этикетных нормах бесермян предстает как пространственный, географический и мифологический центр. Осмысление жилища, его внутренних частей происходит в рамках таких категорий традиционной модели мира, как «центр/периферия», «граница», «свое» и «чужое» пространство. При перемещении от центра обжитого пространства (дом, печь)

к выходу из помещения происходит постоянная маркировка его границ (магнца, порог), что прослеживается в обрядах и представлениях.

Несмотря на применение новых материалов, технологий строительства, изменения интерьера в современных сельских домах сохраняются в общих чертах, а иногда полностью, элементы традиционной планировки и обозначение частей внутреннего пространства. Передняя половина называется *азьнал* (передняя часть), место у двери — *поронни* (вход), *эспал* (сторона около двери), перед печью, на кухне — *гуразьнал* (перед печью), *кошнопал* (женская часть/половина).

Каждый этап строительства сопровождается определенными обрядами: при выборе места, укладке первого венца, установке маглицы, печи. Обряды, проводимые во время возведения дома, часто связаны с почитаемыми локусами, которые, с одной стороны, являются конструктивно важными элементами строения, с другой — имеют высокий сакральный статус, влекущий за собой необходимость проведения различных ритуалов, специальных трапез и т.д.

Выбирая участок для нового дома, учитывают стороны света, наличие и доступность источников воды, качество почв для огорода. Если есть возможность, строят на месте прежней усадьбы. Избы не ставят на перекрестке, на дороге, местах расположения культовых объектов, ворот, изгородей. Разрушение дома от чрезвычайных обстоятельств, природных стихий объясняли постройкой на «плохом месте». Перед началом строительства на месте будущего дома прежде совершали заклятие животного или птицы, устраивали ритуальную трапезу. Обычай строительной жертвы, совершаемой до возведения дома, встречался не только у бесермян, но и у других народов региона [Шкляев 1989, 29–30].

КРАСНЫЙ УГОЛ И СТОЛ

Красный угол и стол остаются почитаемыми локусами современного сельского дома, что прослеживается в обрядах, лексике, предписаниях, этикетных нормах. Передний угол выходит на юг, юго-восток, восток, его называют *сэрег* (угол), *азь сэрег* (передний угол), *зэк сэрег* (большой угол), *куно сэрег* (гостевой угол), *образ сэрег* (угол с иконами), *инмар сэрег* (божий угол / угол Бога), *вэсьяскон сэрег* (угол для моления).

Он не всегда имеет специальное оформление (полка, занавески), но это не отменяет его статуса как главного угла дома. В красном углу на полке с иконами (за иконами) хранят свечи, просфоры, вербу с Вербного воскресенья, пасхальное яйцо, воду, освященную в церкви или взятую из родника на Крещение, в Великий четверг. В праздники народного православного календаря, во время поминок в передний угол на стол ставят для предков, божеств и почитаемых духов угощения: хлеб, выпечку, кашу, чай и другие напитки. В переднем углу часто стоит телевизор, на который, как на стол, могут поставить ритуальные блюда. В некоторых семьях сохраняется традиция держать на столе в переднем углу хлеб, даже засохший со временем, или тарелку с мукой как угощение предкам. Во время праздников и поминок у красного угла вывешивали полотенце. Оно считалось местом пребывания души умершего до сороковин или «прилетевшей» по приглашению родных в дни поминок. Кроме этого, считается, что в дни похорон и поминок душа умершего «утирается» этим полотенцем.

Символическим центром дома, местом проведения ритуальных трапез и сегодня остается стол в переднем углу. Эти функции не распространяются на кухонный стол, где готовят пищу, размещают утварь, проводят семейные трапезы, если позволяет место. Для приема гостей, проведения обрядов и семейных торжеств накрывают стол в красном углу.

Край и угол стола, расположенные ближе к красному углу, имеют более высокий статус, нежели другие его части. Согласно этикету, в передний угол усаживают почетных гостей, старших родственников, что считается проявлением уважения. Выражение «сидеть в переднем/красном углу» тождественно понятию «быть гостем». Молодежь, дети занимают оставшиеся места, ближе к выходу, что связано с их социальным и возрастным статусом. Традиция такого рассаживания за столом сохраняется у бесермян при проведении ритуальных трапез, важных гостевых визитов, семейных торжеств с участием широкого круга гостей и родственников.

Обычай усаживать в передний угол встречается в обрядах перехода — изменения статуса отдельных членов семьи. Например, передний угол/край стола

занимает призывник во время трапезы с родными и односельчанами в ходе обряда проводов в армию. Он сидит в окружении крестных, отслуживших парней, дальше рассаживаются родственники и друзья. После возвращения со службы устраивают «встречный» стол, где солдат снова занимает место в переднем углу. Во время современной свадьбы в почетной части стола сидят молодые, свидетели, родители, крестные и старшие родственники. Раньше в красном углу сидел только жених с крестными. Невесту в доме жениха сразу вели в передний угол, усаживали на отрез ткани, подушку или одеяло, чтобы жила в достатке и счастье.

В гостевых традициях приглашение к столу означает начало трапезы, разрешение пройти в дом. Накрытый и пустой стол выражают разные намерения хозяев. Накрытый — символизирует радушие, готовность принять гостя. В церемонии сватовства расстилают скатерть, ставят хлеб, выносят угощения только при согласии родителей невесты. Заранее стол не накрывают, даже если о визите сватов и удачном исходе сватовства уже известно. Эта церемония сохраняется, даже если сватовство носит формальные черты, но по традиции предвещает свадьбу.

Стремясь «усилить», «закрепить» связь с домом и родными, уходящий в дальнюю дорогу обходит стол. Призывник, поддерживаемый с двух сторон мужчинами, перед выходом из дома обходит его посолонь. На стол ставят хлеб, тарелку с мукой, масло, соль, напитки. Обходя стол, он прикасается к хлебу (в некоторых селениях откусывает хлеб), муке, соли или берет три щепотки муки. Затем в середине избы под матицей он прощается с родными, встав на колени, кланяется им в ноги. Обход стола — кульминация в церемонии прощания невесты с родительским домом в свадебном обряде. Перед отъездом расстилают скатерть, кладут хлеб, масло, соль, крестные посолонь обводят молодых вокруг стола [Попова 1998, 137]. Обычай выходить из-за стола посолонь сохраняется в ритуальных и гостевых трапезах. В большей степени, как и в обрядах, рассмотренных выше, он относится к людям, находящимся в особом статусе, переходном состоянии. Например, женщине следовало выходить из-за посолонь, а не наоборот, иначе при родах ребенок

«пойдет поперек» (Зап. от Николая Александровича Касимова, 1966 г.р., д. Филимоново, Юкаменский р-н. 2000 г.).

Стол как место для проведения важных церемоний фигурирует в семейных обрядах, связанных с назначением крестных родителей. Обряд так и называется — «передавать через стол». В период закрытия приходов он заменял церковное крещение, но корнями уходит в традиционную культуру. Перед крестильным ужином родственники (обычно родители отца ребенка) передают младенца на руки будущим крестным через стол. Крестные по очереди принимают его на подарок (детские вещи, пеленки), поворачивают по движению солнца, возвращают через стол обратно. Обряд сохраняется и сейчас, его проводят до крещения в церкви.

Накрытый стол остается местом, где обращаются к предкам и божествам традиционного пантеона перед дальней дорогой, важными хозяйственными делами и семейными событиями. В первый день выгона стада на пастбище за столом, на котором ставится хлеб, соль и тарелка с мукой, молятся предкам, божествам, духам леса и поля о благополучном выпасе и приплоде (Зап. от Марии Алексеевны Бияновой (Пономаревой), 1927 г.р., (урож. д. Близ Варыж), д. Курегово. 2002 г.). За накрытым столом хозяин обращается к предкам, верховному божееству Инмару перед строительством дома, началом полевых работ, забоем скота и птицы. Накрытый стол — обязательный элемент поминальных трапез, поклонения предкам и умершим. Например, утром после поминок (сороковин, годин, трех лет) на стол стелили белую скатерть, ставили блюда, напитки, прощались с душой умершего, «угощали» ее за столом, провожая из дома (Зап. от М.А. Бияновой, см. выше. 2002 г.).

Стол и пространство около него часто были местом лечения болезней. Водой, слитой с четырех углов стола (что по значению сопоставимо с водой, слитой с иконы), обмывали лицо: «Если сходили с ребенком в чужой дом и после возвращения он плачет, то нужно сполоснуть углы стола, умыть этой водой ребенка» (Зап. от Агриппины Ивановны Бияновой, 1924 г.р., (урож. д. Гурзи), д. Коротай, Глазовский р-н. 1999 г.). При лечении от заикания ребенка кормят под столом толкном из

колокола (свадебного колокола) (Зап. от М. А. Бияновой, см. выше. 2002 г.).

Накрытый стол символизирует достаток, поэтому с ним связаны поверья, обряды, этикетные нормы, предписания, гостевые напевы, пожелания хозяевам, направленные на приумножение и сохранение достатка. На углу/в углах стола, по народным представлениям, обитает дух — покровитель изобилия — *делет/дэлет*. Запрет шуметь и сквернословить за столом, стучать по нему объясняют не только уважением к столу, но и опасением отпугнуть этого духа, а следовательно, и достаток. Слова *делет/дэлет* (изобилие), выражения *дэлетэз кошкоз* (уйдет изобилие), *дэлетэз эвол* (нет изобилия) находятся в активном словаре бесермянской лексики, но традиционные представления о духе изобилия сохраняются преимущественно среди представителей старшего поколения.

Перед выходом из-за стола следует прикоснуться к его углу или краю. Жест означает завершение трапезы, благодарность духу — покровителю изобилия *делет/дэлет*. Обычай называют «прикоснуться к столу», «пошатнуть стол», «кланяться духу-покровителю». Выйдя из-за стола, гости ненадолго рассаживаются в избе, что продиктовано правилами этикета и опасением «унести» достаток из дома.

ПЕЧЬ И ОЧАГ

Печь в сельском доме, несмотря на использование электрических и газовых плит, сохраняет свои утилитарные и сакральные функции. В домах повсеместно используется печное отопление, в печи готовят пищу. Печь остается важной конструктивной частью дома, интерьера. Большое значение имеет ее внешний вид — она должна выглядеть эстетично. Печки выбеливают известью, занавешивают лежак специально сшитыми шторами. В некоторых семьях запрещают фотографировать устье печи (с. Юнда, Балезинский р-н).

Очаг и печь символизировали дом, его центр, но дымоход и устье воспринимались как граница пространства между «своим» и «чужим» мирами и выполняли в обрядах пограничные функции. С печью связаны обряды приобщения к дому. Например приобретая в другом хозяйстве, селении скот, старались «привязать» его к новому месту. Веревку, на которой привели животное, следовало обмотать

вокруг дымохода и держать ее там несколько дней (Зап. от Татьяны Ивановны Антугановой, 1924 г.р., с. Ежево, Юкаменский р-н. 1995 г.). Печная утварь, заслонка в обрядах также выступали символами дома и очага, наделялись особыми свойствами. Например, в день первого выгона стада на печную заслонку крошили хлеб, с нее кормили животных, чтобы они возвращались домой (Зап. от Дарьи Иосифовны Калининой, 1917 г.р., д. Гордино, Балезинский р-н. 1993 г.). В некоторых селениях в этот день у ворот держали ухват, приспособления для выгребания углей из печи. В воротах клали лопату для выемки хлебов, через нее проводили скот.

Устье печи и дымоход как границы пространства представлены в обрядах очищения и лечения болезней. К печи прикасаются, вернувшись с кладбища, улицы, после дальней дороги, особенно если в доме есть дети. У устья печи лечат болезни, окуривают больного травами и дымом, «сжигают» в печи сглаз. Эта практика лечения сохраняется и сейчас. Около устья печи, в дымоход «обращаются» к предкам, умершим, божествам, духам неосвоенного пространства (поля, леса). Утром в Великий четверг около устья печи, в дымоход зазывают скот и птицу, подражая их голосам, чтобы летом они не терялись. В дымоход звали скот, потерявшийся на выпасе. Открывая вьюшку, «выпускают» душу умершего. В некоторых деревнях открывают, затем закрывают вьюшку в момент выхода призывника из дома. Мать солдата, чтобы сын вернулся невредимый, выкрикивала во время его службы в дымоход: «*Пусть сразу не попадет! Пусть вернется!*» (Зап. от Елизаветы Анисимовны Бияновой, 1928 г.р., (урож. д. Гурзи), д. Курегово, Глазовский р-н. 1993 г.). В образе врага воплощается не только реальный противник, но и невзгоды, несчастья и болезни на чужбине.

МАТИЦА

Матица остается важным элементом в конструкции дома, актуальным сакральным локусом. Сохраняются представления о ней как семантической границе дома и освоенного пространства.

Бесермяне называют матицу *эмести кор* (букв.: бревно зятя). Обозначение, вероятно, восходит к обычаю, когда зять вешал полотенце на матице в доме родителей

невесты. Установка матицы — важный этап в строительстве. Поднимая ее, стараются не шуметь. Под матицу кладут деньги и шерсть, чтобы жить в достатке и тепле. В день ее установки ставят тесто, пекут хлеб, проводят специальную трапезу на месте строительства. Блюда выносят к моменту подъема матицы, угощают помочан сразу после ее установки. Работники желают хозяевам жить в новом доме в тепле и достатке (Зап. в дд. Жувам, Каменное, Турчино, Юкаменский р-н. 2012 г.). Обычаи, связанные с установкой матицы, устойчиво сохраняются в строительной обрядности народов региона. Закамские удмурты поднимают матицу, накрыв ее тулупом, привязав бутылку вина, каравай хлеба. Под матицу кладут, завернув в белый холст, шерсть и серебряную монету, по народным представлениям, это должно обеспечить благополучие и тепло в доме. После укладки матицы хозяин, одевшись в тулуп, угощает участников строительства [Садиков 2001, 104].

Часть дома от матицы до красного угла считается собственно избой, в противоположность другой половине — от порога до матицы: «*Эмэсти кор* (букв.: бревно зятя) — это матица. По другую сторону матицы у двери креститься и молиться нельзя, нужно в эту сторону за матицу в избу переходить» (Зап. от Любови Андриановны Вершининой, 1932 г.р., (урожд. д. Ворца), д. Жувам, Юкаменский р-н, УР. Соб. Е.В. Попова. 2003 г.). Пространство от порога до матицы считалось внешним, поэтому сидящие у двери еще не были «вошедшими в избу».

Матица как граница освоенного пространства представлена в свадебном и рекрутском обрядах. Молодые, встав на колени, кланяются под матицей в ноги родителям невесты, получают благословение, затем выходят из дома [Попова 2011, 54]. Под матицей призывник кланяется в ноги родным, семье, крестным. Затем от матицы начинается церемония прощания с односельчанами. Эти традиции сохраняются в современной семейной обрядности бесермян.

С матицей как центром дома, его оберегом связан другой кульминационный момент рекрутской традиции. Прощаясь с родными, призывник вбивает монетой в матицу оберег-памятку — лоскут (лоскуты) или ленту: «*Полотенце или ленту вначале прибывает, потом вокруг*

стола обходит и выходит. <...> Это чтобы вспоминали его до самого возвращения. Надо жить, вспоминая его! Приходит из армии, сам ее снимает» (Зап. от Галины Егоровны Чибышевой, 1934 г.р., д. Курегово, Глазовский р-н. 1993 г.). Такие лоскуты он оставляет на матицах домов у родственников и односельчан: «*Перед отправлением гулял из дома в дом, угощался, прибывал ткань. В каждый дом заходят, “по-солдатски поют”* (букв.: напев солдата), *угощают их вином. Они потом на матицу прибывают лоскутки. Ходили не только к родственникам, но и рядом к соседям»* (Зап. от А.И. Бияновой, см. выше. 1999 г.). Вернувшись со службы, солдат снимает лоскуты с матицы (выдерживает зубами), благодарит, что сберегли его на чужбине. Обряды, связанные с матицей, встречаются в рекрутской традиции у других народов региона [Христолюбова 1984, 102–107; Черных 2002, 60–62]. Матица как граница в дома и освоенного пространства часто является локусом, где проходит лечение болезней, чтение заговоров [Попова 1998, 74].

ПОРОГ И ДВЕРЬ

По мере передвижения от сакрального центра (передний угол, стол, печь) к периферии следующей после матицы границей выступают дверь и порог. Пересечение порога символизирует перемещение за пределы жилого пространства, «на чужую сторону», «в мир», окончательное расставание с родными. В обрядах происходит закрепление семантического статуса двери и порога как границ. Например, это обычай закрывать дверь сразу вслед за уходящим из дома от семьи (невестой, призывником, умершим) и оставшимися. Родные только спустя некоторое время выходят за свадебным поездом, уходящим в армию или похоронной процессией. В свадебном обряде данный обычай называют «закрывать невестке обратную дорогу». Он должен предотвратить возвращение молодой, помешать кому-то пройти между молодыми, что считали причиной развода [Попова 1998, 138]. Дверь и затем ворота закрывают после выноса умершего, стараясь провести символическую границу между живыми и мертвыми.

Пересечение порога как границы иногда происходит особым способом.

Новобранца выводят через порог, придерживая за руки, а в отдельных селениях (д. Юнда, Балезинский р-н) даже переносят на руках два отслуживших парня. С одной стороны, пересечение порога в обратном направлении (возвращение, касание дверного косяка, порога) в обрядах прощания нежелательно и воспринимается как разрушение границы. Это касается похоронно-поминальных обрядов, отъезда свадебного поезда. С другой стороны, в некоторых деревнях возвращение в избу после выхода за порог совершали для дополнительного закрепления связей с домом, благополучного возвращения. После пересечения порога старались вернуть уходящего, окликнуть его. Призывник в некоторых деревнях возвращался за «забытой» шапкой, обходил печь. Это действие «закрепляло» связь с домом — символическим центром мира, освоенного пространства. В других селениях, где данная традиция не встречается, такой приход обратно в дом был нежелателен.

Восприятие порога как пограничного локуса отразилось в знахарских практиках, апотропеических ритуалах. В день первого выгона стада у порога катали хранившееся у икон пасхальное яйцо: «*как яйцо крутится, пусть так скот возвращается домой*» (Зап. от Марии Алексеевны Пономаревой, 1927 г.р. (урож. д. Близ Варыж), д. Коротай, Глазовский р-н. 2002 г.). Не позволялось наступать на порог, громко хлопать дверью (Зап. от Н. А. Касимова, см. выше. 2000 г.). Не разрешалось сидеть на пороге из-за опасения смерти близких. У порога, окна не позволялось говорить проклятия, ругаться, считалось, что стогрыча сказанное там сбудется.

В ходе многих обрядов при обращении к обитающим во «внешнем мире» божествам и духам достаточно было выйти за порог. У порога на границе «своего» и «чужого» миров звали ушедшую душу человека. По представлениям бесермян у человека было две души — *лъл* и *урт*. Наступление смерти связано с первой душой. Вторая душа, *урт*, покидала человека во сне, при испуге, болезнях, сглазе, но могла вернуться. Ее приглашали обратно с хлебом, кашей, полотенцем (скатертью) у порога перед открытой дверью, за воротами. Душа *урт* также отождествляется со счастьем дома, и ее звали, выйдя за дверь, после отъезда человека на службу,

проводов умершего, особенно хозяйна [Попова 2011, 167–169]. Считали, что она могла покинуть дом вместе с ними. В обряде расставания с душой умершего, «пришедшей» в дни поминок, также выходят за порог с угощением, прощаются как с дальним гостем. Нужно отметить, что частью гостевого этикета остается обычай провожать дальних гостей, выходя за порог, за ворота и даже за деревню.

Порог, дверь остаются местом для чтения заговоров, изгнания духов болезней. Порог как пограничный локус предстает в обряде «обретения нового младенца», «обретения ребенка в мусоре» при тяжелых, длительных недугах. Больного клали в избу у порога на пол или на собранный мусор непосредственно перед входом чужого человека или приглашенного для церемонии. Он поднимал ребенка, возвращал родителям как другого «найденного в мусоре». Ребенку давали новое имя, а участник обряда становился еще одним крестным. Обычай сохранился в народной памяти, изредка совершается при длительной болезни, но без реальной смены имени ребенка.

Порог и дверь как границы жилого пространства, по народным представлениям требуют дополнительной «защиты» от болезней, злых духов, обитателей иного мира. Особенно это касается переходного времени суток (сумерки, полночь) и года. Над дверным косяком у входа как защиту от духов болезней, колдунов держат железные колющие или режущие предметы (нож, топор, коса, серп, игла). Считают, что эти духи, опасаясь пораниться, не войдут в дом (Зап. от Ирины Кирилловны Малых, 1906 г.р., д. Жувам, Юкаменский р-н. 1993 г.). Устойчиво сохраняется и другая традиция. В канун Великого четверга над воротами, дверью помещают ветки можжевельника: «*Накануне вечером приносили ветку можжевельника, клали ее в дверной косяк, чтобы болезни не зашли в дом*» (Зап. от Екатерины Васильевны Зянкиной, 1924 г.р., д. Филимоново, Юкаменский р-н. 1991 г.); «*Можжевельник кладут везде, у каждого входа: у ворот, дверей в дом, во двор, сени, баню, чтобы Шайтан не прошел*» (Зап. от Л. А. Вершининой, см. выше. 2002 г.).

ПОДПОЛЬЕ

К числу сакральных мест современного дома следует отнести подполье. В подполье хранят некоторые ритуальные

предметы. По народным представлениям, там «живет» дух-покровитель жилища *Корка кузё* (букв.: Хозяин дома). Именно с его почитанием связаны обряды и подношения в подполье при переселении в дом, календарных обрядах, чрезвычайных ситуациях. Например, при переезде в новый дом «переносят» духа-покровителя из подполья прежней избы в новое с тремя горстями земли в холсте или заменяющем его белом листе бумаги. Одновременно несут иконы, ухват, кочергу, печную утварь. Землю в холсте заносят в подполье, кладут у южной (юго-восточной стены) или переднего угла. Ухват, кочергу, печное помело, лопату для выемки хлебов оставляют на ночь в подполье, считая, что с ними «переселяется» *Корка кузё* — Хозяин дома: *«Мы переедем с хлебом. Вещи заранее перевезли. Метлу для выметания в печи перенесли. Три раза подмела в старой печи и [всё подметенное], завернув в тряпку, понесла в новый дом. Как перейдешь, не подметая? Метла — такая тряпка, привязанная к палке. Обязательно нужно перенести эту метлу. Хозяина дома Корка кузё зовут: “Пойдем за нами. Не оставайся! Потерявшись, не останься. Иди за нами!” И потом метлу сразу [в новом доме] в подполье кладут, пройдя на кухню. Остальные с хлебом в избу проходят. Корка кузё из старого дома идет в метле»* (Зап. от Юлии Павловны Бияновой, 1917 г.р. (урож. д. Гурзи), д. Курегово, Глазовский р-н); *«Счастье дома корка шуд [здесь: Хозяина дома] выносил при переезде в новый дом или в другое селение. Я сама сейчас так делала. В подполье три горсти земли надо взять на бумагу, и, завернув ее, Хозяина переносишь в новый дом. <...> Квашиню в старом доме ставили и переносили в новый. Там из нее печем хлеб. Я лепешки пекла. Гости идут. Это называют “дом чествовать”»* (Зап. от Екатерины Иосифовны Невоструевой, 1921 г.р., д. Гулекшур, Юкаменский р-н. 1995 г.). Новоселье проходит после переселения домового и проезда семьи.

При переходе в новый дом бесермяне прежде устраивали жертвоприношение Хозяину дома *Корка кузё*: *«...клали <в подполье> блин на доске, <завернув> в ткань, кашу с мясом, но без соли. Корка кузё (Хозяина дома) заводили. В подполье, в углу, где иконы, закалывали гуся. А те, у кого нет гуся, то закалывают овцу на улице. Говорят, это для Хозяина дома Корка кузё.*

Мясо, кашу и блин в подполье клали. Делали так и когда дети болели» (Зап. от Е. А. Бияновой, см. выше. 1993 г.). Обряды переселения домового и его угощения встречались у соседей бесермян — удмуртов. До новоселья, вскоре после него удмурты угощали домового в подполье блином и самогоном, обещали более обильное приношение, если будет оберегать семью. Переезжая, проводили обряд «переноса коркамурта/губечмурта» (домового). Хозяйка брала хлебную лопату, кочергу, печное помело, насыпала горсть земли из подполья в мешочек и, выходя из избы, звала его с собой [Волкова 2003, 299]. Удмурты переходили в новую избу с квашней с тестом и готовили лепешки на новом месте [Богаевский 1888, 105; Шкляев 1989, 33].

Ежегодно осенью бесермяне проводили в подполье моление, жертвоприношение птицы (гусь или утка) для Хозяина дома *Корка кузё*. Некоторые семьи сохраняют эту традицию. Обычай повсеместно бытовал во второй половине XX столетия: *«... где угол с иконами, там, где иконы стоят. Под этот угол с иконами закалывали [гуся]. Уже забывают это...»* (Зап. от Василия Николаевича Борисова, 1928 г.р., д. Шамардан, Юкаменский р-н. 2000 г.); *«Осенью закалывали гуся в подполье, кости и кровь там оставляли, а потом заносили туда суп в чашке. Говорили, что это для Корка кузё»* (Зап. от И. А. Тютина, д. Гордино, Балезинский р-н, УАССР. Соб. А. Каракулова. 1970 г.) [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2Н. 1970 г. Д. 432. Л. 83]. Заклание птицы совершали утром, затем варили ячневую кашу на гусином бульоне. Семейная трапеза завершалась до вечерних сумерек. Во время моления и трапезы не выходили из дома, не впускали чужих: *«В подполье для Корка кузё, если, например, сегодня закалываешь, то уже никуда на улицу не выходишь. Кашу варят. Потом в подполье заносят кашу и мясо в небольшой тарелке. Кладут туда три ложки из лучины. Уже из дома не выходи, никого в дом не впускай. Ворота, сарай, сени — все закроют и заходят в избу. Сами не выходят, посторонних людей не впускают. Сразу после <трапезы> идут спать»* (Зап. от Анатолия Захаровича Мышкина, 1932 г.р., д. Гулекшур, Юкаменский р-н. 2004 г.).

При болезни членов семьи или детской плаксивости в подполье оставляли хлеб, масло и кашу, туда заносили на ночь

одежду ребенка, стараясь вернуть «подменного» — обменного домовым младенца. В наши дни встречается обычай заносить для Хозяина дома подношение хлебом или кашей, если зимой начинается сильно гнить картофель, хранящийся в подполье. Считается, зимние запасы в подполье также находятся под его прищотом. Поклонение Хозяину дома связывали и с хорошим приплодом гусей, которые до наступления тепла весь период высиживания гусят содержались в избе.

Прежде подполье было местом «хранения» плаценты после родов. Формирование и почитание такого места в подполье связано с сакральным статусом плаценты. Информация сохраняется в знахарской практике, описании родильных обрядов, запретов по отношению к местам старых изб [Попова 2008]. Плаценту считали оберегом человека, поэтому она требовала особого почитания: «*Послед, завернув в чистую тряпку, прятали в подполье. Зарывали на завалине у стены, чтобы ребенок не болел, не ослеп. Свёрток с последом клали в старый лапотъ*» (Зап. от Ксении Алексеевны Невоструевой, 1924 г.р., д. Жувам, Юкаменский р-н. 1993 г.). «*Плаценту прятали. Зарывали в землю в подполье под красный угол. Повитуха заворачивала в белый лоскут, клала в лапотъ*» (Зап. от Марии Ивановны Бекменетьевой, 1915 г.р., с. Ёжево, Юкаменский р-н. 2003 г.). В семантическом плане обряд сродни акту погребения.

В период активного бытования традиции в подполье на место захоронения плаценты время от времени приносили кашу, хлеб, топленое масло. К ней обращались при лечении болезней, в чрезвычайных ситуациях. Такое место в подполье держали в чистоте, не трогали: «*Если*

кто-то тронет такое место, то болеет. Лечат его. Масло льют туда, оставляют краюху хлеба. Пусть <плацента>, говорят, отпустит» (Зап. от Татьяны Ивановны Антугановой, см. выше. 1996 г.); «*На послед наступать нельзя. Сейчас дома старые ломают, поэтому куда угодно можно наступить. Там от стариков <последы> еще зарыты. И когда копаешь в земле, можно попасть на такие места. Все тело тогда вздрагивает. Словно боится*» (Зап. от Л. А. Вершининой, см. выше. 2003 г.). Как видим, высокий сакральный статус подполья связан с его выбором в качестве подходящего места для хранения (локализации) личных, семейных и домашних святынь, покровителей жилища.

Таким образом, несмотря на изменения в восприятии семантики дома и его элементов, трансформации обрядов, связанных с ним, по-прежнему остаются актуальными представления о почитаемых локусах, отсылающие к традиционным мифологическим и космологическим воззрениям. Они являются местом поклонения божествам, предкам и духам, совершения обрядов, важных для благополучия и здоровья семьи, целостности жилища. Многие обряды в доме сосредоточены, как показали материалы, вокруг объектов, воспринимаемых как его центр (печь, стол, передний угол) и границы (матица, порог, дверь, дымоход, устье печи). В обрядах перехода и гостевых традициях они обычно связаны с социальными и гендерными статусами живущих в доме или пришедших в него. В пределах дома находятся локусы, символизирующие близость с родными, имеющие отношение к здоровью и благополучию домашних, семейным и переходным обрядам.

Литература

Агапкина 2011 — Агапкина Т. А. Символика освоенного пространства: угол // Пространство и время в языке и культуре. М., 2011. С. 13–53.

Байбурин 1983 — Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Богаевский 1888 — Богаевский П. М. Очерк быта сарапульских вотяков // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1988. Вып. 3. С. 14–64.

Владыкина 1992 — Владыкина Т. Г. Удмуртские поверья в системе этносоциальной регла-

ментации // Традиционное поведение и общенные удмуртов. Ижевск, 1992. С. 126–170.

Волкова 2003 — Волкова Л. А. Земледельческая культура удмуртов. Ижевск, 2003.

Лавонен 2000 — Лавонен Н. А. Стол в верованиях карел. Петрозаводск, 2000.

Мороз 2008 — Мороз А. Б. Стол в севернорусских поверьях и обрядах // Традиционное русское застолье. М., 2008. С. 36–43.

Попова 1998 — Попова Е. В. Семейные обычаи и обряды бесермян (конец XIX — 90-е годы XX в.). Ижевск, 1998.

Попова 2008 — Попова Е. В. Плацента в системе сакральных представлений бесермян // Народная медицина в системе культурной

адаптации населения Европейского Севера: итоги и перспективы междисциплинарных исследований. Сыктывкар, 2008. С. 177–189.

Попова 2011 — *Попова Е. В.* Культурные памятники и сакральные объекты бесермян. Ижевск, 2011.

Садилов 2001 — *Садилов Р. Р.* Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа, 2001.

Салмин 2010 — *Салмин А. К.* Традиционные обряды и верования чувашей. СПб., 2010.

Слудняков 2015 — *Слудняков А. О.* Красный угол: материальные и духовные аспекты эволюции интерьера крестьянского жилища // Этнографическое обозрение. 2015. № 1. С. 137–152.

Христолюбова 1984 — *Христолюбова Л. С.* Семейные обряды удмуртов. Ижевск, 1984.

Христолюбова 2004 — *Христолюбова Л. С.* Мифологизмы повседневности // Удмуртская мифология. Ижевск, 2004. С. 111–119.

Цивьян 2011 — *Цивьян Т. В.* Окно — Глаз (к антропоморфизации дома) // Традиционная культура. 2011. № 2. С. 19–24.

Черных 2002 — *Черных А. В.* Военная служба и проводы в солдаты у тулвинских татар и башкир во второй половине XIX–XX в. // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: История и современность: Материалы региональной науч.-практ. конф. Глазов, 2002. С. 60–62.

Шкляев 1989 — *Шкляев Г. К.* Обряды и поверья удмуртов, связанные с жилищем // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья. Ижевск, 1989. С. 28–43.

Сокращения

НОА УИИЯЛ УрО РАН — Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН

РФ — рукописный фонд

РГО — Русское географическое общество

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН: Российская Федерация, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4; тел.: +7 (3412) 68-89-11; e-mail: elvporova@yandex.ru

SACRED PLACES IN RURAL HOUSES OF THE BESERMYANS

ELENA POPOVA

(Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Uralic Division of the Russian Academy of Sciences: 4, Lomonosova str., Izhevsk, 426004, Russian Federation)

Summary. The article deals with symbolism and ritual functions of sacred places in the contemporary rural house of the Besermyans, such as an icon corner, a table, a tie beam, an oven, a threshold and a door. Dwelling house appears as a mythological space in traditional notions and rituals. Mythological understanding of dwelling house is related to the categories of traditional world view like “center versus periphery”, “the Border”, “own versus alien” place. As the center The icon corner, the table and the oven are related with the Center, whereas the primary beam, the window, the threshold, the door and the chimney of the oven represent a Border. The storage place underneath the floor appears as an important sacred place also. Sacred places of the dwelling play an important role in daily live, are related with ethic norms, get utilized in magic practices, including healing, as well as in calendar, family and recruit, otherwise military service conscripts, farewell rituals. The traditional planning of the interior marks both the sacred center and the border, either strengthening of the symbolic connection between the person and his or her native house or on the contrary “tearing apart” from it, when crossing line between own and alien. Traditions, connected with the construction of the house and the celebration held when moving to the new house, have been preserved. The house and its specific locations are linked with the social status and gender roles of residents and visitors in rituals, guesting customs and etiquette.

Key words: house, dwelling, sacred place, mythology, Besermyans.

References

Agapkina T. A. (2011) Simvolika osvoenno-go prostranstva: ugol [Symbolism of the Utilized Space: the Corner]. *Prostranstvo i vremya v yazyke i kul'ture* [Space and Time in Language and Culture]. Moscow. Pp. 13–53. In Russian.

Bayburin A. K. (1983) Zhilishche v obyadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan [Dwelling in the Rituals and Concepts of the Eastern Slavs]. Leningrad. In Russian.

Bogaevskiy P. M. (1988) Ocherk byta sara-pul'skikh votyakov [Essay on the Everyday Life of the "Votyaks" (Udmurts) of Sarapul']. *Sbornik materialov po etnografii, izdavaemyy pri Dashkovskom etnograficheskom muzee* [Collection of Materials on Ethnography, Published by the Ethnographic Museum named after Ek. Daskova]. Moscow. 1988. Issue 3. Pp. 14–64. In Russian.

Chernykh A. V. (2002) Voennaya sluzhba i provody v soldaty u tulvinskikh tatar i bashkir vo vtoroy polovine XIX–XX v. [Military service and Farewell Ceremony for Conscripts among the Tulva River's Basin Tatars and Bashkirs in the second half of the 19th — the 20th Centuries]. *Material'naya i dukhovnaya kul'tura narodov Povolzh'ya i Urala: Istoriya i sovremennost'* [Material and Spiritual Culture of the Peoples of the Volga Region and the Urals: History and Contemporaneity]. Proceedings of the Regional Scholarly-Practice Conference. Glazov. Pp. 60–62. In Russian.

Khristol'yubova L. S. (1984) Semeynye obyady udmurtov [Family Rituals among the Udmurts]. Izhevsk. In Russian.

Khristol'yubova L. S. (2004) Mifologizmy povsednevnosti [Mythologization of the Everyday Life]. *Udmurtskaya mifologiya* [The Udmurt Mythology]. Izhevsk. Pp. 111–119. In Russian.

Lavonen N. A. (2000) Stol v verovaniyakh kare-l [The Table in the Believes of the Karelians]. Petrozavodsk. In Russian.

Moroz A. B. (2008) Stol v severnorusskikh pover'yakh i obyadakh [The Table in the Northern Russian Believes and Rituals]. *Traditsionnoe russkoe zastole* [Traditional Russian Tableful]. Moscow. Pp. 36–43. In Russian.

Popova E. V. (1998) Semeynye obychai i obyady besermyan (konets XIX — 90-e gody XX vv.) [Family Customs and Rituals among the Besermyans (End of the 19th – 1990s of the 20th Century)]. Izhevsk. In Russian.

Popova E. V. (2008) Platsenta v sisteme sakral'nykh predstavleniy besermyan [Placenta in the System of Sacred Notions of the Besermyans]. *Narodnaya meditsina v sisteme kul'turnoy adaptatsii naseleniya Evropeyskogo Severa: itogi i perspektivy mezhdistitsiplinarnykh issledovaniy* [Folk Medicine in the System of Cultural Adaptation of the Population of the European North: Results and Prospects of Interdisciplinary Studies]. Syktyvkar. Pp. 177–189. In Russian.

Popova E. V. (2011) Kul'tovye pamyatniki i sakral'nye ob'ekty besermyan. [Monuments of Worship and Sacred Objects of the Besermyans]. Izhevsk. In Russian.

Sadikov R. R. (2001) Poseleniya i zhilishcha zakamskikh udmurtov (material'nyy i dukhovnyy aspekty) [Settlements and Dwellings of the Trans-Kama Udmurts (Material and Spiritual Facets)]. Ufa. In Russian.

Salmin A. K. (2010) Traditsionnye obyady i verovaniya chuvashy [Traditional Rituals and Believes of the Chuvash]. St. Petersburg. In Russian.

Shklyayev G. K. (1989) Obyady i pover'ya udmurtov, svyazannye s zhilishchem [Rituals and Believes of the Udmurts, Related to Dwelling House]. *Fol'klor i etnografiya udmurtov: obyady, obychai, pover'ya* [Folklore and Ethnography of the Udmurts: Rituals, Customs and Believes]. Izhevsk. Pp. 28–43. In Russian.

Sludnyakov A. O. (2015) Krasnyy ugol: material'nye i dukhovnye aspekty evolyutsii inter'era krest'yanskogo zhilishcha [Icon Corner: Material and Spiritual Facets of the Evolution of the Peasant Dwelling Interior]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2015. No. 1. Pp. C. 137–152. In Russian.

Tsiv'yan T. V. (2011) Okno — Glaz (k antropomorfizatsii doma) [A Window as an Eye (To the Question of Anthropomorphization of a Dwelling House)]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2011. No. 2. Pp. 19–24. In Russian.

Vladykina T. G. (1992) Udmurtskie pover'ya v sisteme etnosotsial'noy reglamentatsii [Udmurt Believes in the System of Ethno-Social Regulation]. *Traditsionnoe povedenie i obschenie udmurtov* [Traditional Behavior and Communication among the Udmurts]. Izhevsk. Pp. 126–170. In Russian.

Volkova L. A. (2003) Zemledel'cheskaya kul'tura udmurtov [Agrarian Culture of the Udmurts]. Izhevsk, 2003. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: elvpopova@yandex.ru

Tel.: +7 (3412) 68-89-11

4, Lomonosova str., Izhevsk, 426004, Russian Federation

PhD (History), senior researcher, Department of Historical Studies, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Uralic department of the Russian Academy of Sciences
